

УДК 82

БОЛЕЗНИ И НЕДУГИ ДЕТСКИХ ОБРАЗОВ В ПОВЕСТИ Ю. КУЗНЕЦОВОЙ «ВЫДУМАННЫЙ ЖУЧОК»

Э. И. Ахметзянова

*Студентка¹,
e-mail: aelvina@inbox.ru,
Елабужский институт (филиал),
Казанский федеральный университет,
г. Елабуга, Республика Татарстан, Россия*

DISEASES AND ALIMENTS OF CHILDREN'S IMAGES IN THE STORY OF YU. KUZNETSOV "FICTIONAL BEETLE"

E. I. Ahmetzyanova

*Student,
e-mail: aelvina@inbox.ru,
Yelabuga Institute (branch),
Kazan Federal University,
Elabuga, Republic of Tatarstan, Russia*

Abstract. Modern children's and youth prose is a multi-faceted, contradictory and unexplored phenomenon. Yulia Kuznetsova is the author of many works addressed to both children and teenagers. The main purpose of the article is to see one of the typological features of all modern children's and youth prose, revealed, including in the book "Fictional bug": the presence of a detailed image of vices and ailments. Children's illnesses reveal social diseases, which increases the degradation of society. We have analyzed such important illnesses of our time, such as hydrocephalus, brain tumor, nomophobia. We used a figurative and thematic analysis of the story by Yulia Kuznetsova.

Keywords: diseases and ailments of children; modern children's and youth prose; Yulia Kuznetsova "Fictional bug".

Тенденция описания детей в необычном для них, болезненном состоянии намечается в детской литературе в начале XX века, что не мотивировано на сюжетном уровне, однако выполняет важную семиотическую и семантическую функцию. Такая приверженность связана с расцветом реализма в детской прозе существующего параллельно с многообразной палитрой модернистских течений. Подход к болезням и недугам, в особенности детским, становится иным. Болезнь интерпретируется с разных точек зрения: во-первых, – нарушение здоровья, во-

ние всего общества и норм, существующих в нём [1, с. 241–244].

С каждым десятилетием описание детских недугов становится всё частотнее. Связано это с тем, что в современном мире человек живёт в искусственной, созданной им самим окружающей среде. Как и любая другая среда, эта не лишена неблагоприятных условий таких, как техногенные и тератогенные факторы. Всё это в совокупности как психологически, так и физически воздействует на организм ребёнка, тем самым определяя уровень его здоровья. Не в пользу детского организма

¹Научный руководитель: к. филол. н., доцент, Божкова Г. Н.

довательно, он будет впитывать в себя всё то, что отдаёт окружение.

Именно такие, живущие в небезопасном мире, хрупкие существа, как дети стали всё чаще привлекать внимание писателей и поэтов. Если из литературы XX века мы можем перечислить небольшое количество произведений, посвящённых болезням и недугам детей, то уже за первые 20 лет XXI века их становится больше десятка. Можно смело утверждать: больной ребёнок – это плод больного общества.

«Выдуманный жучок» – метафорическая повесть Юлии Кузнецовой, автора многих рассказов, повестей и романов для детей, подростков и взрослых, освещающая болезни и недуги детей.

Всё повествование ведётся от первого лица. В качестве рассказчика выступает девочка по имени Наташа, или как она называет себя, Таша. Героиня – «гидроцефал» [2, с. 40], то есть подвержена заболеванию, которое характеризуется избыточным накоплением цереброспинальной жидкости в желудочках и подболоочечных пространствах головного мозга, что сопровождается их расширением и атрофией мозга – гидроцефалией [3]. Для того, чтобы накопленная жидкость не привела к смерти, больному делают шунтирующую операцию. Такой способ лечения считается стандартным с начала 50-х годов XX века. С 80-х годов проводится и эндоскопическое лечение гидроцефалии. Второй способ лечения является самым долгосрочным и удобным, однако Таше не могут его сделать: причина в «особенностях строения мозга» [2, с. 57].

Девочка не унывает: она понимает, что есть и другие, более сложные и опасные заболевания, вылечится от которых намного сложнее («например, у некоторых ребят, которые лежат со мной в нейрохирургии, рак. Они могут и не выжить. А теми, кто борется и не сдаётся, я восхищаюсь» [2, с. 9]). Несмотря на свой недуг, она продолжает жить как «обычная девчонка» [2, с. 8]: учится в «самой обычной московской школе» [2, с. 8], занимается спортом, ходит в кино. Шунт,

проходящий под кожей от головного мозга до её желудка, она называет «обычным проводком» [2, с. 8], «волшебным проводком» [2, с. 9], «как будто лишняя артерия» [2, с. 8] – девочка, будучи в столь юном возрасте, уже понимает, что невидимый никому провод помогает ей жить, поэтому и не воспринимает его наличие как нечто страшное и ужасное. Прямой вид психологического изображения через использование повествования от первого лица делает образ Таши откровенным и понятным читателю.

Девочка не в первый раз лежит в больнице («Я расту. И его надо менять каждые четыре-пять лет. Пока я не вырасту совсем. Поэтому каждые несколько лет мы с мамой ложимся в нейрохирургическое отделение, на повторную операцию» [2, с. 8]). Помимо этого, читатель понимает, что Таша оказывалась в больнице не только по причине гидроцефалии, но и из-за перелома черепа («вообще-то, по степени тяжести травм головы сначала идёт сотрясение мозга. Потом – ушиб. А уж потом – перелом черепа. Натали, видно, решила не мелочиться» [2, с. 56]), и из-за операции на глаза («оперировали в офтальмологии глаза» [2, с. 70]), то есть она частый гость больницы.

На первый взгляд, девочка слишком категорична и жестока по отношению к своей матери, что выражается в её словах: «... у меня мама как ребёнок» [2, с. 9], «ты размазня!» [2, с. 28], «я тебя ненавижу!» [2, с. 28]. Однако читатель понимает, что столь странное отношение к матери, с точки зрения самой Таши, находит оправдание: девочка, наблюдая за поведением и поступками мам своих подруг, делает вывод, что её мама «никогда не спросит» [2, с. 27] у неё про школу, друзей, а будет лишь жаловаться на своё «несчастное» [2, с. 12] пребывание в больнице: вместо поддержки Таша то и дело слышит: «за что мне это?» [2, с. 14], «я не могу больше» [2, с. 14] и «мне надо покурить» [2, с. 11]. Женщина воспринимает болезнь дочери как наказание свыше. Мы можем предположить, что она сама считает себя

виноватой в происходящем, ведь врождённая гидроцефалия является результатом перенесённых матерью во время беременности инфекционных заболеваний или других тератогенных, с негативным воздействием на организм, факторов, к которым относятся злоупотребление алкоголем, наркотиками, курением или ряда лекарственных средств. Несмотря на столь резкие высказывания девочки, мама остаётся для неё мамой, подтверждает это запах (ольфакторная деталь): «От неё пахнет мылом, но главное – мамой» [2, с. 11]. Девочку выводит из себя слабость женщины, её нежелание понимать родную дочь.

На протяжении всего произведения мы видим духовный рост девочки: меняется её отношение к некоторым аспектам жизни: к отцам больных детей, которые вместо поступков постоянно жалуются и стонут («...уборщица права – надо чем-то заниматься. Но чем-то хорошим, радостным. Не нытьём. Радостные дела дадут силы. Надо же, как просто. С чего же начать?» [2, с. 84]); к зависти, дружбе и многому другому.

Находясь в таких сложных отношениях с родной матерью, Таша нашла поддержку и понимание со стороны новой подруги. Аня – девочка, страдающая от рака головного мозга. Портрет-описание девочки дан Ташей не так детально: читатель всего лишь узнаёт, что героиня «... из наших, нейрохирургических» [2, с. 12] сидела и крутила своё йо-йо, очертания её были плавными, круглыми («... всё круглое и гладкое – и йо-йо, и коленка, торчащая из-под халата, и девочка голова, не прикрытая платком» [2, с. 12]). Они вместе весело проводят время, озорничают, разговаривают на очень взрослые темы, например, кому хуже, когда их ребёнок оказывается в больнице: отцам или матерям, обсуждают хороших и плохих врачей и пациентов.

Причина болезни Анны – врождённая опухоль головного мозга – разнородная группа различных внутричерепных новообразований, доброкачественных или злокачественных, возникающих вследствие

запуска процесса аномального неконтролируемого деления клеток, которые в прошлом являлись нормальными составляющими самой ткани мозга [4]. В качестве лечения девочка проходила химиотерапию, что сказалось на её внешнем виде (лысая, худая девочка), ей хотели поставить такой же шунт, что и у Таши, однако, рассчитав шансы, решили сделать эндоскопию. Врождённому раку головного мозга, в большинстве случаев, способствуют физические, химические факторы, к которым относятся и инфекции и тератогенные факторы. Получается, что данный недуг так же является результатом внешнего воздействия. Мама Ани постоянно «шипит», «говорит яростным шёпотом» [2, с. 14–15] – женщину раздражает сам факт, что у её дочери болезнь хуже, чем, к примеру, у Таши. Её отношение к болезни дочери читатель может понять из слов: «У вас такой вид, будто у нас чума, а не рак» [2, с. 15].

Помимо Ани и Таши автор знакомит читателей ещё с некоторыми из больных ребят. Вообще, детей можно разделить на две группы: первая – дети с врождёнными заболеваниями (Таша, Аня, ещё Саня, Максим и другие) и вторая – дети, которые приобрели заболевания в результате различных обстоятельств (Клёпа, Толик и другие). Со всеми героями нас вновь знакомит Таша.

Саня – тяжело больной мальчик трёх лет, «прикручен к капельнице» [2, с. 27]. Об этом герое Таша сообщает не много, однако одно становится ясным: спасти его не удастся – ребёнок умирает от метастаз. Девочку же больше интересует сосед Сани – Максим.

Портрет Максима ироничный: «... толстый, лысый первоклассник, который целыми днями лежит под капельницей в обнимку с компьютерной игрой» [2, с. 27]. Жизнь в виртуальном мире прельщала его больше, нежели реальная: «жалко, что я живу в жизни (...) а не в компьютерной игре» [2, с. 28]. Такая психологическая зависимость называется номофобией (зависимость от мира виртуального и страх остаться без телефона). Становится ясно,

почему родители ни разу не навестили его за время повествования: они слишком заняты, поэтому их ребёнок потерял интерес к реальной жизни. Замечание медсестры: «Вот мать тебе задаст!» [2, с. 29] (за сломанный телефон) и вовсе не оставляют сомнений в том, что Максим не сможет найти понимание и сочувствие у своих родителей, хотя он совершил очень решительный и смелый поступок, столкнувшись со смертью «друга». Ташей описывает портрет-сравнение мальчика: «как медвежонок» [2, с. 29], а симптоматический жест лишь дополняет этот образ: «и рыдает – громко, басом» [2, с. 29]. Этот образ вызывает сочувствие – маленький герой боится смерти и совершает своеобразное бегство в игру. После смерти Сани мальчик напуган: «Этого не бывает! (...) Дети не умирают!», «Нет, нет, я не хочу!» [2, с. 29]. Герой прячется в объятиях мамы умершего мальчика, которая успокаивает его и даёт некую мотивацию: вырасти и стать врачом, который будет лечить больных детей. Возможно, мальчику удастся, и автор повести тоже верит в это, ведь не зря герою дано переводное имя, обозначающее «величайший».

Клёпу от остальных отличает то, что она не рождена со своим недугом. Героиня детдомовская девочка, имеющая физический недуг – гидроцефалию, которая возникла в результате травматического повреждения головы, «ворота упали на неё» [2, с. 82]. В результате чего девочку тоже шунтировали. Портрет-описание девочки («с разбитым носом и заплывшим глазом», «с рыжей шевелюрой, наполовину обритой» [2, с. 82]) помогает понять, что помимо недуга, она заполучила и временный физический дефект.

Если ранее читатель сам раздумывал о несправедливости того, что эти дети болеют, то сейчас он напрямую сталкивается с возмущением: «Они мячом попали (...) почему мне шунт, а не пацанам?» [2, с. 83]. Девочка стала жертвой безразличия со стороны не только сверстников, но и взрослых: «Она, говорит, кричала, что ворота шатаются. А никто не слышал (...) А

воспитатели? (...) Да какие там воспитатели! Говорю же – детдом» [2, с. 83].

Интересно то, что дети с подобными болезнями и недугами должны иметь отклонения в умственном, психологическом и частично физическом развитии, однако Юлия Кузнецова рисует образы умных, понимающих, умеющих сопереживать детей, чьи высказывания, иногда, оказываются намного мудрее, нежели многих взрослых – усиливая трагический пафос.

Стоит обратить внимание на косвенный психологизм, использованный автором для передачи атмосферы недугов и больницы, в целом. Многие детали имеют двойственную интерпретацию, подчёркивая тем самым контрастность двух миров: внутри больницы и за её пределами. Важной деталью становится абрикос. При первом упоминании фрукт является предвестником смерти Сани. Второй раз, упоминая в произведении данный плод, мы замечаем, лишь запах абрикоса. Благодаря этому автор сохраняет запах смерти, который витает в стенах больницы, но тут появляется совершенно необычное противопоставление: «замазанные краской больничные окна и пустые бутылки из-под глюкозы на тумбочке у кровати» [2, с. 67] и «восточный сад с абрикосовыми деревьями, в котором смеющиеся смуглые дети играют» [2, с. 67]. Холодная, серая картина сменяется изображением солнечного, весёлого и тёплого мира – иного мира.

Ольфакторный код в повести занимает особое место: читатель встречается с большим спектром запахов, многие из которых, как писал Ёжи Фарино, становятся одной из категорий, при помощи которой «моделируется отравляющее действие общественного кризиса и падения нравственности» [1, с. 334].

Природный запах весны демонстрирует читателям надежды Таши на обновление жизни, на прекрасное и счастливое будущее. Упоминается он не единожды, многие важные события в жизни героини связаны именно с этим временем года: жучок появился в фантазиях Таши в марте, её дважды выписывали весной, да и в третий раз в больницу она попала весной.

Девочку никогда не оставляла надежда на выздоровление с чем соединяется и запах весны и талого снега.

Необычен запах «Красной Москвы» [2, с. 22]. Эти духи были популярны во времена СССР – совсем в иное десятилетие, чем в повести. Упоминая этот ольфакторный код, автор намечает связь между прошлым и настоящим и хочет донести до читателей мысль – пороки, раскрывающиеся с помощью недугов детей, относятся к разряду вечных – они были и есть до сих пор.

В произведении мы встречаемся ещё с одним подобным запахом. На этот раз, запах духов Аня и Таша слышат в преддверии Нового года: девушка, что должна играть роль Снегурочки и веселить детей, источает нежный, свежий аромат, «как запах первого снега» [2, с. 46]. Читатель чувствует иронию автора, ведь девушка, которая должна воплотить в себе образ искреннего сказочного персонажа, оказывается такой же порочной, как и остальные: «Я лично развлекаю детей, потому что это очищает мою карму» – признаётся она [2, с. 47].

Помимо природных запахов и ароматов духов в произведении присутствуют и пространственные: запах дезинфекции – хлорки, лекарств. Они все предназначены для передачи атмосферы больницы.

Следующий вид косвенного психологизма, на который стоит обратить внимание – это колоронимы. В повести доминируют три цвета: зелёный, синий, голубой. Все они имеют двойственную природу.

Зелёный цвет в словаре Д. Трессидера [5], с одной стороны, интерпретируется как цвет болезни, смерти, с другой – как цвет жизни, излечения. Стены палат освещены «мягким зелёным светом» [2, с. 59], который присутствует и в элементах одежды («заставляла надеть бахилы (длинные, тряпичные, тёмно-зелёные)» [2, с. 48], «больничные распашонки, измазанные зелёной» [2, с. 95]) и становится признаком шунта под кожей детей («пятно от зелёнки на груди» [2, с. 76], «она размечена зелёной, чтобы видеть, где проходит под кожей шунт» [2, с. 82]).

Вторая находит отражение в сравнении двух врачей: Александр Степанович (врач, который показан как безнравственный человек) носит только «дорогие халаты» [2, с. 17], а Игорь Маркович ходит «в мятой зелёной рубашке» [2, с. 17]. Именно Игорь Маркович становится «добрым волшебником» [2, с. 85] спасающим детей. Таким же исцеляюще-зелёным цветом представлен образ Выдуманного Жучка, который не просто всегда находится рядом с Ташей, но и защищает её от Жуков Отчаяния («Жучок и загорается изнутри зелёным» [2, с. 59], «...в тёмных папиных глазах снова что-то мелькает, но теперь я понимаю, что именно. В них отражается мой Жучок, в котором загорелся зелёный огонёк» [2, с. 68]).

Синий цвет, во-первых, обозначает вечность, постоянство порочности мира взрослых и представляется в качестве «синих губ» [2, с. 73] Таши, «синего халата Галюхи» [2, с. 44]. Во-вторых, несокрушимую веру одного из отцов в выздоровление сына. Ведь именно синего цвета были глаза, нарисованные на асфальте робота, которого сделал папа Оручего.

Третий цвет, благодаря которому автор вновь создаёт контраст – это голубой. «Окно наполовину замазано голубой краской, вверху виден кусочек неба. Странно – всё голубое, но какое разное: цвет больничной краски гораздо тусклее небесного» [2, с. 62]. Часть неба, что проглядывает через незакрашенную часть окна, олицетворяет покой, счастье, а краска «гораздо тусклее небесного» [2, с. 62] представляет собой некую пародию на ту умиротворённость, которую хотели создать внутри больницы. Однако мотив счастья исчезает, когда описывается больничная еда и быт: плов «из переваренного риса и костей» [2, с. 10]; родителей заставляют спать на стульях, потому что «лишних коек нет» [2, с. 11]; предоставляют детям «жесткое серое одеяло» [2, с. 77]. В заведении, где больные должны находиться в полной уверенности, что их вылечат, что относятся здесь к ним хорошо, они лицом к лицу встречаются с халатностью, безразличием и легкомыс-

лием даже со стороны некоторых из врачей. Недаром автор несколько раз упоминает такой суммарно-обозначающий вид психологизма, как духота: «в больнице так душно» [2, с. 69], «сидела в душном боксе» [2, с. 75], «... душно. Вокруг плакаты с кишечными инфекциями» [2, с. 86] – нахождение в таком порочном окружении душит детей.

Единственным местом действия становятся больничные палаты, коридоры, кабинеты врачей, за пределы которых герои путешествуют лишь в своих воспоминаниях. Хронотоп в произведении – это небольшое здание больницы, соединяющее прошлое и настоящее. В последней главе повести под названием «В гости к Ане» [2, с. 91] настоящее время выходит за рамки больничных стен и читатель отправляется в гости в «маленькую, но невероятно уютную комнату» [2, с. 92] Ани. У девочки день рождения и с этого мгновения должна начаться новая жизнь для Таши, которую предвещало её имя (Таша – переводное имя и обозначает «рождение»), вот только дети, даже находясь за пределами больничных стен, стремятся вернуться в них. Данный факт усиливает драматизм: дети не смогут сами вырваться из порочного мира, им нужна помощь.

Ёжи Фарино в своих трудах отмечал, что болезни и недуги в литературе являются «метафорой больного общественного организма» [1, с. 241–244]. То же самое мы видим и в повести «Выдуманный жучок», в которой больное общество нахо-

дит воплощение в образе больницы, где всё порочно, начиная от тухлой больничной воды, запах которой может перебить «только сильный привкус ананаса и манго» [2, с. 70] и заканчивая самими людьми, живущими в этом мире. В повести описаны актуальные болезни современности: гидроцефалия и рак. Они являются одними их самых распространённых диагнозов, которые ставятся детям во всём мире. Автор повести, метафорически изображая реальность, верит, что общество ещё можно излечить, однако это должны сделать сами взрослые: «болеющему ребенку, прежде всего, нужны силы. И эти силы в родительской любви и мудрости» [2, с. 6].

Библиографический список

1. Фарино Ё. Введение в литературоведение: Учебное пособие. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 639 с.
2. Выдуманный Жучок / Ю. Н. Кузнецова — ИД "КомпасГид", 2016. – 96 с.
3. Медицинская энциклопедия – URL: https://gufo.me/dict/medical_encyclopedia (дата обращения: 14.10.2020)
4. Навигатор системы Московского здравоохранения – URL: <https://navigator.mosgorzdrav.ru/diseases/onkologiya/opukhol-golovnogo-mozga/> (дата обращения: 13.10.2020)
5. Тресиддер Дж. - Словарь символов – URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/13.htm (дата обращения: 14.10.2020)

© Ахметзянова Э. И., 2020.